

ГОЛОС ПОЭТА МОЯ ВОЙНА. МОЯ ПОБЕДА

Ефим Львович Бершин

Поэт. Член Союза писателей и член Исполкома Русского ПЕН-центра.

Адрес: 109052, Москва, Автомобильный проезд, 10, стр. 8, ком. 16.

E-mail: bershin@rambler.ru

Марина Цветаева говорила, что все узнанное нами в детстве узнано навсегда, а не узнанное никогда не узнается. Восприятие военных событий формировалось у автора, в те годы ребенка, в процессе общения с выжившими фронтовиками, для которых военный опыт оказался однозначно травматичен. События вписаны не только в обширный исторический, но и в библейский контекст. Приводятся стихотворения автора.

Ключевые слова: В. С. Гроссман, Сталинградская битва, С. И. Липкин, нацизм, семейная история, травма.

DOI 10.17323/2658-5413-2020-3-2-83-89

О войне я узнавал, прячась под столом, потому что за столом мне еще не было места. За столом сидел отец. За столом сидели еще молодые, несколько лет назад вернувшиеся с фронта мои дядьки и соседи. Они пили водку и говорили о войне. А я ползал между ногами и учился считать. И у меня все время что-то не сходилось. Потому что на пятерых человек приходилось почему-то только восемь ног. Я выглядывал наружу, пересчитывал сидящих — их было пять. А ног всего восемь. Война входила в мое сознание безногой. И еще песней, которую, изрядно выпив, фронтовики затягивали за столом: «Выпьем за Родину, выпьем за Сталина, выпьем и снова нальем».

Я не знал, кто такой Сталин. Но я очень любил этих людей, молодых, пьяных, сверкавших орденами и медалями. Иногда они разрешали потрогать эти сверкающие кружочки, и я гордо приобщался к их подвигам.

* * *

Однажды Инна Лиснянская вспомнила рассказ мужа, Семена Липкина, о его споре с близким другом, писателем Василием Гроссманом, о Сталинградской битве. Это было перед самой Победой. Будущий автор «Жизни и судьбы» стал что-то говорить о роли партии... «Не вижу никакой роли партии в победе, — отрезал Липкин, — победил Бог, вселившийся в народ». А позже написал:

Если в воздухе пахло землею
Или рвался снаряд в вышине,
Договор между Богом и мною
Открывался мне в дымном огне.

Итак, тогда свершилось то, чего не понимают сегодняшние безбожники: победили не партия, не Сталин и не кто иной. Победил Бог, вселившийся в народ. И потерпел крах дьявол, вселившийся в других людей. В безумцев, которые бросили вызов Богу. Но в борьбе Бога и человека всегда побеждает Бог! А Бог тогда был с нами. Богу было нужно, чтобы мы были. Чтобы мы жили. И Он был с нами.

«Тогда Господь сказал Иисусу: в сей день Я начну прославлять тебя пред очами всех сынов Израиля, дабы они узнали, что, как я был с Моисеем, так буду и с тобою» (Нав. 3:7). И Иисус Навин с народом своим перешел Иордан. Мы с Богом перешли Днепр, Днестр, Березину, Вислу, Одер и еще много всяких рек. А те, другие, по сей день ревнуют нас к Богу. Потому что Он был с нами, а не с ними.

* * *

Он хотел, чтобы мы жили. Пусть плохо жили, но — жили. А жили мы плохо. Страшно жили. И мне не нужна ни написанная, ни переписанная история той войны. Потому что я вырос на ее развалинах. Война катком прошла по нашему маленькому городу, сделав счастливыми полубодранных пацанов нашего двора. Потому что не надо было ничего придумывать. Мы целыми днями играли в войну на самых настоящих военных развалинах. Мы запросто находили среди них самые настоящие гильзы от патронов. Мы бросали жребий и делились на русских и немцев. Потом менялись. Потому что никто не хотел постоянно быть немцем. И мы воевали до темноты под ворчание соседей. Иногда кто-то подрывался на оставленной войной мине.

А рядом, в том же дворе, на наспех сколоченных лавках молодые фронтовики пили и пили свою водку. И дрались в кровь. Они никак не могли отойти от той войны. Жизнь казалась пустой и никчемной. Потому что Победа пришла вместе с развалинами, вместе с нищетой, с непониманием, как жить дальше. Бог был с нами на войне. А потом оставил нас. Но я этого не знал, не понимал. Я играл в войну на развалинах. И только много лет спустя написал стихи.

Я вырос на руинах той войны,
там, где за водкой и в кровавых драках
вернувшиеся с фронта пацаны
достреливали жизнь свою в бараках,

хватаясь за ножи и топоры,
размазывая братьев по заборам.
Я тоже мог по моде той поры
заделаться убийцей или вором.

Но у меня своя была война,
свой вечный бой, который вечно длился
меж двух дворов.
И не моя вина,
что я родился там, где я родился.

Пока вели угрюмый разговор
крутые мужики в угаре пьяном,
мы пядь за пядью занимали двор,
заросший повиликой и бурьяном.

Мы шли на штурм разболтанных оград
чужих садов, ломая ветки с хрустом,
не славы ради и не для наград —
там был наш враг.
А я считался русским.

Я шел вперед. Я был почти комдив.
Мы против комьев в полный рост вставали.
Ворчал сосед: мол, мало вас, жидив,
фашисты на войне поубивали.

Безногая, безрукая война
еще блуждала в переулках стертых,
выменивая хлеб на ордена,
сверкавшие на грязных гимнастерках.

И что нам до Великой Мировой,
застрявшей в историческом провале,
когда уже и с нашей, дворовой,
иных уж нет, а те — отвоевали.

* * *

Отец, конечно, был сталинистом. И это несмотря на то, что успел отсидеть в сталинском лагере. Почему? В молодости я, уже все зная, все прочитав, спорил с ним до хрипоты, до полного разрыва, до слез матери. А потом перестал. Зачем?

Это его жизнь. А еще позже задумался: может быть, они знают что-то такое, чего мы не знаем? Чувствуют что-то такое, чего нам почувствовать уже не дано? И в самом деле, кто сегодня вспоминает о том, что режим Моисея, выводящего людей из Египта, был не просто жестоким — жесточайшим. Кто помнит, сколько крови соплеменников пролили Иисус Навин и Илия, названный пророком? Но с ними был Бог! Может быть, нам, живущим сегодня, стоит уже помолчать. Отдать историю — истории, где безумствуют стихии, как безумствуют ветра, метели, ливни, спорить с которыми, возмущаться которыми — нелепо. Может быть, так и надо поступить? Может быть, мой отец и его друзья до конца жизни тосковали по времени, когда Бог был с ними?

А мама тоже что-то чувствовала, но иначе. Потому что в тот самый день, когда умер Сталин, я нечаянно описался. Мне не было еще полутора лет, но я точно запомнил, что сидел на тумбочке, в какой-то миске, а мама меня мыла и переодевала. И тут вошла ее тетушка:

— Включай радио (а у нас на стене висела «тарелка»)! — закричала тетушка. — Сталин умер, все идут на площадь, а ты тут сидишь!

— Какой может быть Сталин, если ребенок описался? — спокойно ответила мама.

Повторяю, мне не было еще полутора лет, но я все запомнил так, как будто это было вчера. Впрочем, что было вчера, я уже не всегда помню. Но что было тогда, помню очень хорошо.

И что делать, если я всю сознательную жизнь ненавижу Сталина, но людей за нашим столом, которые пели «Выпьем за Родину, выпьем за Сталина», просто обожаю?

* * *

Да, «уже и с нашей, дворовой, иных уж нет». Да и двора, наверно, нет. А ведь он был. И не только наш. Уцелевшие люди лепили из развалин жилища. В ход шло все, что валялось под ногами. Я держал банку с краской, а отец красил крышу соседям и чертыхался. Единого цвета не получалось. Потому что перекрытием служили два огромных крыла от сбитого немецкого самолета.

А по воскресенья мы шли на базар. И вдоль всей прибазарной улицы, чуть ли не через каждый метр сидели безрукие и безногие фронтовики и просили милостыню. И нечего было им дать. Потому что мы только шли на базар. И я уже знал, что по дороге мы обязательно заглянем в мастерскую к безногому дяде Грише, другу детства моего отца, сапожнику. И в мастерской будет пахнуть свежей кожей. И мне подарят там пару маленьких сапожных гвоздей, которые обязательно пригодятся мне на той, дворовой войне. О настоящем молотке я мог только мечтать. И еще я знал, что там же, у ворот базара, мы встретим балагулу Яшу,

огромного, как его лошадь, с которой он постоянно ругался, как будто она была ему женой.

— О, ты уже такой большой, как почти моя лошадь! — кричал он, завидев меня. — Хочешь покататься на подводе?

— Хочу.

— Нельзя, — огорчал меня Яша. — Ты же не товар! Ты же уже почти человек. А человек — не товар.

Они были молодыми. И я никак не могу понять, почему они казались мне стариками. Эти «старика» по субботам, сменив рабочую робу на чистые пиджаки и рубахи, частенько собирались прямо в мастерской дяди Гриши. И снова говорили о войне. И снова пили. И снова спорили. А я все слушал и запоминал. Чтобы потом, через много-много лет вспомнить и написать.

И когда это было — мне вспомнить уже не дано.
На царапину памяти не наложить подорожник.
Но всплывают ночами, как кадры цветного кино,
балагула, веселый портной и безногий сапожник.

Три ошибки войны, по ошибке оставлены жить
в этом маленьком городе, там, где по воле Господней
вечным Жидом назначен был каждый расстрелянный жид,
под стволом автомата встававший на край преисподней.

Три ошибки судьбы выпивали сперва по одной,
бесконечный свой спор завершая едва ли не дракой.
Балагула — уздечкой, портняжьим лекалом — портной,
а безногий сапожник сурово размахивал дратвой.

И на их пиджаках полыхали войной ордена
за Берлин и Варшаву, за взятие рая и ада.
За безногую жизнь осушали стаканы до дна,
и за то, чтобы помнилось то, что и помнить не надо.

Три ошибки беды — рядовой государственный сор, —
как подбитые птицы, клевали субботнюю пайку
и тянули вино, и тянули пустой разговор,
и тянули, напившись, свою «тумбала-балалайку».

Где я видел их лица? Зачем выплывают они
из далекой страны, нагоняя тоску и усталость, —
из забытых времен, от которых остались одни
головешки пожарищ, и даже страны не осталось.

На руинах страны догорел окровавленный век,
что охотился так, как за дичью охотится лайка.
Только ветхая память осталась, сухая, как Ветхий Завет.
Только три старика. И суббота. И «тум-балалайка».

* * *

В нашем городке, на который в 1992 г. новые нацисты обрушили новую войну, есть небольшой холм. На нем когда-то давно была устроена танцплощадка, и новая молодежь плясала на ней свои шейки и твисты. На костях. Потому что на этом месте нацисты расстреляли и закопали живьем несколько тысяч человек. Я это знаю. Я вообще теперь многое знаю. Я знаю, кто сжигал людей заживо в ноябре 1941 г. на ведущей к Одессе Люстдорфской дороге. И я знаю, кто сжигал их живьем совсем недавно там же в Одессе. Я знаю фамилию соседа, который выдал немцам моего прадеда и сам же под их присмотром закопал его прямо во дворе. Живого. Его фамилия — Савченко. Говорят теперь, что, закапывая в землю моего прадеда и прабабку, он таким образом боролся за свою независимость. Будь проклята такая независимость!

Повторяю: мне не нужна ни написанная, ни переписанная история той войны. Тот, кто пишет, врет. Тот, кто переписывает, врет вдвойне. Кого они хотят обмануть? Бога?

Меня тоже нельзя обмануть. Потому что у меня с этой войной своя история. Своя хронология.

1941-й. Бабушка моя погибла в разбомбленном санитарном поезде.

1941-й. Вторая бабушка не выдержала эвакуации, умерла в дороге.

1941-й. Прадеда и прабабку закопали живыми в их собственном дворе в Тирасполе. Выдал сосед.

1941-й. Дед, вырвавшись из плена, вернулся в свой двор и заколол штыком того соседа.

1944-й. Родной брат матери, мой дядя, погиб, освобождая Польшу.

1945-й. Другой дядя дошел до Берлина и отомстил за всех.

Ни дьявол, ни слуги его никогда не побеждают. Надев маски, они способны только ввести в заблуждение. Но ненадолго. Побеждает Бог. Кровавый, страшный Бог был тогда с нами. А значит, и со мной. И потому — это моя война! Это моя Победа! Уберите от нее руки.

POET'S VOICE MY WAR. MY VICTORY

Efim L. Bershin

Poet and Member of the Writers Union,
member of the Executive Committee of the Russian PENCenter.
109052, Moscow, Road passage, 10, p. 8, room 16.
E-mail: bershin@rambler.ru

Marina Tsvetayeva said that everything we learned as a child was learned forever, and that was not learned would never be learned. The author's perception of military events was formed in his childhood in the process of communication with survived war veterans for whom the military experience had been clearly traumatic. The article inscribes those events not only in the vast historical, but also in the Biblical context. The author's poems are also provided in the article.

Keywords: V. S. Grossman, Battle of Stalingrad, S. I. Lipkin, Nazism, family history, trauma.